Приведенные нами примеры, свидетельствующие об условности разграничения традиций, позволяют, вместе с тем, охарактеризовать в качестве общих и локальных такие взаимодействующие традиции как общеевропейские и более узких регионов; присущие родственной (или близкой в культурном отношении) группе этносов и отдельной этнической группе; общесоветские и этнические (либо региональные) и т. д. То, что эти традиции соотносятся с историко-культурными общностями разных видов и разного таксономического ранга, лишь отражает сложную взаимозависимость реальных этнокультурных явлений.

В заключение отметим также, что обнаруженная изменчивость в соотношении традиций, отражающая культурно-бытовое развитие в каждый определенный момент, еще раз подтверждает известное, но всегда актуальное для этнографического исследования, положение о временно́й обусловленности и динамичности понятия «традиционная культура».

В. А. Александров

ЭВОЛЮЦИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО ОБЫЧНОГО ПРАВА В РУССКОЙ ПОЗДНЕФЕОДАЛЬНОЙ КРЕПОСТНОЙ ДЕРЕВНЕ (XVIII — НАЧАЛО XIX в.)

Под понятием «обычное право» в отечественной литературе со второй половины XIX в. подразумеваются неписанные, основанные на обычае нормы, регулировавшие внутридеревенскую хозяйственную, бытовую и семейную жизнь, а также различные гражданские отношения крестьян между собой (сделки, соглашения и т. п.), и определявшие меры борьбы с правонарушениями.

Обычное право — сложное и многофункциональное явление. Его исследование выходит далеко за пределы собственно юридической науки. Проблема обычного права в эпоху феодализма может решаться только во взаимосвязи, с одной стороны, с историей развития права феодального государства, упрочившего привилегии господствовавшего класса — дворянства, с другой — с историей крестьянства как сословия, с учетом его социального и экономического положения, внутрисословных особенностей хозяйственного быта и семейного строя.

Социальная обособленность крестьянства как сословия феодального общества, замкнутого в рамках сельских общин, обуславливала неизбежность стойкого функционирования совокупности обычно-правовых норм. Обычное право было регулятором хозяйственно-экономических и гражданских отношений крестьян внутри общин. Оно отражало многовековой хозяйственный опыт крестьян и, вместе с тем, являлось опорой общины в борьбе с феодалами против эксплуатации, за право хозяйствования.

Теоретической основой подхода к пониманию истории обычного права и его значения может быть формулировка К. Маркса: «правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа..., наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях»[1]. Будучи явлением социальным, обычное право с изменением социально-экономических условий, в которых существовала феодальная деревня, не могло оставаться статичным.

Важнейшим элементом общинной хозяйственной жизни было землепользование. Его порядок определялся обычно-правовым статусом отдельных видов эксплуатируемых угодий. Судя по имеющимся исследованиям, посвященным крестьянскому землепользованию, к XVII в., т. е. к началу закрепощения, крестьянство подошло с наследственным под-

---

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 6, 7.

ворным владением (в рамках общинного землепользования) комплексом угодий, необходимым для ведения хозяйства (собственно дворовые участки с огородами, коноплянниками, гумнами, пашни)[2]. Этот порядок, характерный как для северо-, так и для центральнорусского крестьянства, отражал определенный этап истории сельской общины на Руси, когда повсеместно существовала общинно-волостная организация с выборным, представительным для феодальных властей, штатом.

С развитием вотчинного и особенно поместного землевладения в центральных уездах России община — волость, объединявшая сотни деревень, оказалась разрушенной, и общинная организация крестьян все более замыкалась в границах отдельных феодальных владений. Тем самым структура общинной организации в средней полосе России существенно менялась. Основной ячейкой оставалась деревенская община, объединявшая крестьян одного селения. По мере роста крупных феодальных владений — вотчин и поместий — в их границах образовывались общины сложные, объединявшие сплошь и рядом десятки селений, подчиненных поместно-вотчинному аппарату. С изменением общинной структуры, замыканием хозяйства общин в пределах отдельных феодальных владений и ростом тягловых повинностей в крестьянском землепользовании происходили существенные изменения. При всей неограниченности личной воли вотчинники и помещики, как правило, признавали сельскую общину необходимым компонентом сельского управления и оставляли за общиной право решать вопросы, связанные с крестьянским землепользованием и обеспечением тягла. Вместе с тем, заинтересованные в неукоснительном выполнении крестьянами повинностей, помещики следили за состоянием их тяглоспособности и, обязывая общины обеспечивать феодальную ренту, оказывали влияние на общинное землепользование. По мере того как в центральной полосе России частнофеодальное владение социально и структурно приобретало господствующее положение, у крестьянства все более сужались площади удобной для хлебопашества земли, и в условиях трехполья перед общиной возникала хозяйственно-тягловая необходимость земельной регламентации. Сложность этой регламентации заключалась прежде всего в неизбежности перестройки наследственно-подворного землепользования. Землепользование крепостной деревни традиционно основывалось на дуализме общего (коллективного) и частного (индивидуального) владения, при сложной коллизии, суть которой состояла в том, что тягловое обложение обуславливалось феодальным принуждением, а использование угодий — обычно-правовыми представлениями о земельном обеспечении двора, необходимом для его хозяйственной деятельности. Регулирование землепользования община могла осуществить, опираясь на совокупность обычно-правовых норм, как сохранявшихся традиционно, так и вырабатывавшихся под воздействием социально-экономической действительности.

В русской крепостной деревне традиционно сохранялось представление о том, что каждая из них владела определенными, «своими» угодьями — лесами, сенокосами, пашнями, лугами, водными источниками. В процессе беспрерывного обращения вотчин и поместий внутри господствующего класса, их перехода от одного владельца к другому, у крестьян упрочивалось стремление сохранить «свои» угодья в составе своих общин вне зависимости от того, какому помещику в тот или иной момент они принадлежали. Это стремление отражалось прежде всего на характере и структуре землепользования сложных общин, особенно тех, которые складывались постепенно по мере роста отдельных помещичьих

---

[2] *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М.— Л., 1966, с. 170—175; *его же.* Крестьянская волость в центре феодальной Руси XV в.— В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России, Л.: Наука, 1972, с. 73, 78—81, 89, 90, 101; *Кочин Г. Е.* Сельское хозяйство на Руси конца XIII—начала XVI в. М.— Л.: Наука, 1965, с. 305, 316, 369, 381—388, 432; *Покровский Н. Н.* Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. Новосибирск: Наука, 1973, с. 103—114.

владений. Стремление деревенских общин сохранить «свои» угодья вступало в противоречие с политикой помещиков, которые требовали «справедливого», т. е. уравнительного по имущественному состоянию крестьян распределения податей путем систематической тягловой переоброчки, что влекло за собой земельное перераспределение между деревнями. Известно, что подобную практику в XVIII в. внедряли в своих имениях многие помещики, в том числе крупнейшие землевладельцы России — Шереметевы, Орловы, Шуваловы и др. Для достижения этой цели необходимо было по площади и качеству разверстать угодья между деревнями, входившими в состав владения. Однако осуществить это было не просто, так как каждая деревня стойко держалась за «свои» угодья, а общинная практика тяглового обложения сводилась к тому, чтобы сохранить тяглоспособность каждого двора, а не нивелировать их хозяйственное состояние [3].

Тем не менее тягловое уравнение земельных владений между деревнями [4] с середины XVII в. стало осуществляться, в чем можно усмотреть начало процесса земельного общинного регулирования. Подробные свидетельства о таком землеустройстве в сложных общинах относятся к концу XVII — первой половине XVIII в. Так, в 1691 г. подушное земельное разграничение было осуществлено внутри обширной вяземской вотчины бояр Нарышкиных, где различные угодья были разверстаны между ее «половинами» с входившими в их состав деревнями [5]. Подобный междеревенский раздел угодий был произведен в 1720 и 1725 гг. и в ростовской отчине Шереметевых [6].

Уравнительная разверстка земель между деревнями, входившими в состав одного поместья, становилась неизбежной при барщинном хозяйстве. Она была проведена в ростовском и арзамасском имениях Щербатовых (1776 и 1794 гг.), рязанском и тамбовском имениях Гагариных (1817 и 1820 гг.), в огромном смоленском имении Н. Панина (1810—1820 гг.) [7]. Необходимость уравнительной разверстки вызывалась прежде всего тем, что под барскую пашню отводились лучшие и наиболее близко расположенные от деревень поля. Так, в 1820 г. в тамбовском имении Гагариных с центром в с. Петровском барские пашни в сотни десятин находились сразу же за околицами ряда деревень; тогда же Н. Панин, расширяя собственную запашку, вообще переселил крестьян четырех деревень в другие места, а «состоящие в их владении земли и пустоши» присоединил к господской пашне [8]. В результате какие-либо «права» отдельных деревень на их угодья ликвидировались, и все землепользование строго подчинялось тягловому распорядку, при котором становилась обычной земельная перемежевка участков не только барской, но и крестьянской пашни. За крестьянскими хозяйствами оставались лишь менее удобные пашни, и ежегодная перемежевка становилась единственной возможностью уравнения хозяйственного обеспечения отдельных дворов, когда каждый из них периодически мог получить относительно более выгодный участок. Нижегородский помещик В. Бабарыкин (первая половина XIX в.) вынужден был признать пагубные последствия барщинного хозяйства для крестьянского полеводства. По его свидетельству, крестьяне при подобной системе землепользования не могли «получить

---

[3] *Александров В. А.* Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М.: Наука, 1976, гл. III, § 2, 3.

[4] *Горская Н. А.* Монастырские крестьяне Центральной России в XVII веке. М.: Наука, 1977, с. 208.

[5] Центральный Государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 1272 (Нарышкины), оп. 1, д. 1219, лл. 1—12.

[6] *Шапиро А. Л.* Крестьянская община в крупных вотчинах первой половины XVIII в.— Уч. зап. Саратовского гос. ун-та, т. I (XIV). Сер. исторического ф-та, в. 1, Саратов, 1939, с. 51—53.

[7] ЦГАДА, ф. 1289 (Щербатовы), оп. 1, д. 461, л. 1 — об; д. 611, лл. 1, 2; ф. 1262 (Гагарины), оп. 2, д. 76, лл. 42—107; оп. 4, д. 161, лл. 1, 2; ф. 1274 (Панины — Блудовы), оп. 1, д. 1139, л. 15; ф. 1378 (Мещерские — Панины), оп. 1, д. 739, лл. 1—3, 20 об.

[8] Там же, ф. 1274, оп. 1, д. 1139, л. 15.

привязанности» к своему участку земли. Та же мысль по существу проводилась и другим сторонником барщинного хозяйства У. Карповичем, который считал целесообразным подворное крестьянское землепользование[9].

Разумеется, ситуация, при которой земельные права отдельных селений на угодья ликвидировались, а распорядительные права сложной общины на их использование резко усиливались и устанавливалось систематическое уравнительно-передельное крестьянское землепользование, складывалась, во-первых, постепенно, а во-вторых, зависела от величины земельного фонда, остававшегося за общиной.

Самые ранние известные в настоящее время данные о всеобщих внутриобщинных уравнительных переделах, при которых перераспределению подвергались участки во всех угодьях (сенокосы, полевая земля, росчисти, усадьбы с унавоженными огородами, коноплянниками и т. п.) относятся к 1680-м гг. Показательно, что подобные, причем для данного времени, безусловно единичные случаи наблюдались именно в монастырских вотчинах, где, как выяснила Н. А. Горская, феодальные владельцы стремились оставить у общин тягловые угодья, минимально обеспечивавшие простое хозяйственное воспроизводство дворов[10]. Вполне очевидно, что к подобным переделам общины приходили, испытывая острую потребность в жестком регулировании своего землепользования, причем даже в этих случаях некоторые общины не переделяли унавоженные участки и росчисти, т. е. придерживались старого наследственно-подворного принципа владения.

Более стойко деревенское «право» на угодья сохранялось в оброчных крепостных общинах, где управление под общим надзором вотчинных контор помещиков концентрировалось в мирских управлениях, которые могли свободнее распоряжаться своим земельным хозяйством. По материалам XVIII и даже первой половины XIX в. очень четко прослеживается постепенность процесса общинного регулирования крестьянского землепользования. В целом ряде общин при этом регулировании длительно сохранялось как общедеревенское, так и наследственно-подворное право на угодья. На протяжении первой половины XVIII в. эти принципы обычного земельного права определяли хозяйственную жизнь крупной суздальской вотчины князей Долгоруких с центром в с. Лежневе. Их владение состояло собственно из Лежневской «дачи» и двух других «дач», перешедших к Долгоруким в первой четверти XVIII в. от князя Ю. Одоевского и И. Бутурлина. В каждой «даче» образовавшейся огромной общины сохранялось свое мирское управление, которое самостоятельно осуществляло земельно-тягловую раскладку податей между деревнями. В. В. Долгорукий считал само собой разумеющимся общевотчинное земельное уравнение между селениями. В 1728 г. он запрашивал своего приказчика — «расположились ли оне промеж себя и довольны ли оне тем...»[11]. Добиться такого уравнения между «дачами» он не смог. В 1730 г. он подвергся опале, вотчина у него была отнята и возвращена только в 1742 г. после воцарения Елизаветы Петровны. В 1744 г. В. В. Долгорукий вернулся к этой мысли и приказал осуществить земельную раскладку по вотчине в целом с тем, чтобы повинности уравнительно падали на каждый двор: быть всем «в равенстве и не называться разными дачами»,— писал он[12].

Тем не менее, несмотря на жалобы крестьян на несоответствие между возлагаемыми на них повинностями и земельным обеспечением даже внутри отдельных «дач», общинное землевладение оставалось неизмен-

---

[9] *Бабарыкин В.* Сельцо Васильевское Нижегородской губернии Нижегородского уезда.— Этнографический сборник, Спб., 1853, в. 1, с. 12, 43; *Карпович У.* Хозяйственные опыты тридцатилетней практики или наставление для управления имениями. Спб., 1837, с. 312—315.

[10] *Горская Н. А.* Указ. раб., с. 217, 231, 232.

[11] ЦГАДА, ф. 1373 (Вотчинное управление кн. Долгоруких в с. Лежневе), оп. 1, д. 19, л. 40 — об.

[12] Там же, лл. 20, 21.

ным[13]. Только по сохранившемуся от 1759 г. приговору общемирского (валового) схода известно, что «мирские люди» согласились установить границы между «дачами»[14]. Если это внутривотчинное размежевание и было проведено, то оно отражало лишь право сложной общины регулировать использование деревенских владений при сохранении каждой деревней «права» на «свои» угодья.

Общинное земельное регулирование внутри отдельных «дач», прослеживаемое на протяжении нескольких десятилетий (1730—1750 гг.), заключалось в том, что мирское управление «дачи» при ежегодной разверстке податей учитывало изменение тягловых возможностей каждой деревни и пашенную землю, имевшуюся в той или иной деревне «в лишке», передавало той деревне, где ее не хватало. В мирских приговорах, принятых по поводу очередной тягловой переоброчки, неукоснительно фиксировалась правомочность такого земельного перераспределения, которое, что принципиально существенно для понимания норм обычного права, имело временный, условный характер. Деревня, отдававшая часть своей земли, сохраняла на нее право и в случае необходимости могла потребовать ее назад. При такой системе общинного землепользования право подеревенского владения угодьями неукоснительно сохранялось, и захват «чужих» земель карался штрафом. О сложности этой системы можно судить по тому, что в Одоевской «даче» ежегодная земельная разверстка осуществлялась между 17, а в Бутурлинской «даче» между 33 селениями, каждое из которых систематически или принимало от соседей, или передавало им свою землю[15]. По данным 1720—1790-х гг. на тех же принципах обычного права основывалось общинное землепользование в нерехотской вотчине с центром в с. Писцове. Несмотря на то, что это феодальное владение с середины XVII и до первой четверти XIX в. четыре раза переходило от одних владельцев к другим (князья Долгорукие, князь Г. В. Грузинский, князья Голицыны, граф А. И. Остерман-Толстой), в нем при сохранении оброчной формы ренты распорядок общинного землепользования отличался удивительной устойчивостью. Как и в Лежневе, в Писцовской общине, состоявшей в 1730-х гг. более чем из 30, а в 1811 г. почти из 50 селений, землепользование основывалось на том же деревенском «владении» и праве мирского правления упорядочивать при очередном тягловом переобложении использование всех пашенных угодий и сенокосов. В с. Писцове, в отличие от распорядков, существовавших в с. Лежневе, по мере изменения тяглоспособности дворов и деревень отдельные участки угодий на основе того же условного временного права использования передавались в распоряжение не целых деревень, а отдельных дворов. При этом мирское управление выдавало «билеты», удостоверявшие право на землепользование до следующей переоброчки. Более эпизодически проводились междеревенские земельные поравнения в тех случаях, когда в деревнях образовывалась тягловая «пустота», т. е. появлялись заброшенные полосы пашни, мешавшие трехпольному ведению хозяйства. Однако и при этом право деревенского «владения» оставалось незыблемым. Такие поравнения осуществлялись в 1726, 1732—1734, 1743, 1754, 1759, 1767 гг. В 1795 г. община провела общее междеревенское уравнение земли, вновь подтвердив при этом право каждого селения на «его» угодья, но в новых границах[16].

Общинный надзор за землепользованием по данным 1790—1820-х гг. прослеживается также в принадлежавшей Головиным, а затем князю А. Б. Куракину оброчной чухломской общине с центром в с. Погорелки.

---

[13] ЦГАДА, ф. 1373, оп. 1, д. 18, лл. 51, 52.

[14] Там же, д. 1, л. 41 — об.

[15] Там же, ф. 1373, оп. 1, д. 34, лл. 1—6 об.; д. 35, лл. 1—5, 8—11; д. 42, лл. 1—10; д. 48, лл. 1, 2; д. 66, лл. 1—9; д. 94, л. 2.

[16] ЦГАДА, ф. 1396 (Писцовское вотчинное правление), оп. 1, д. 109, лл. 1—4; д. 120, л. 13 — об; д. 121, лл. 2—83; д. 122, лл. 1—3 об; д. 266, лл. 1, 2; д. 333, л. 1; д. 403, л. 1 — об.; д. 441, лл. 1—11; д. 442, лл. 1—7; д. 524, лл. 1 об., 2 об., 7, 9 об., 13 об., 15 об.; д. 962, лл. 6, 7, 10 — об., 14 — об.; д. 963, л. 1 — об.; д. 964, лл. 1, 2; д. 1093, л. 1.

В этой общине, включавшей более 40 селений, проводился точный учет различных земель, составлявших угодья отдельных деревень, тем не менее даже временного уравнения угодий между деревнями не осуществлялось. При тяглово-земельном перераспределении доли тягловых участков сдавались отдельными дворами или принимались во временное пользование. Ежегодно десятки хозяйств или «скидывали» часть своих пашенных земель, или принимали эти «скинутые» участки [17].

Подробные сведения второй половины XVIII — начала XIX в. сохранились об общинном землепользовании в многочисленных оброчных владениях графов Орловых, особенно в ярославских селах Никольском и Елохове и костромском селе Сидоровском. В. Г. Орлов неукоснительно требовал, чтобы в сложных общинах земли между селениями были разделены «справедливо», но, не вмешиваясь в мирское землепользование, оставлял его на усмотрение общин [18]. Вопреки стремлению В. Г. Орлова уравнительно внутри общин обеспечить землей все деревни, общинные традиции оказывались сильнее, и каждая деревня стойко держалась за «свои» земли. Общины, конечно, также были заинтересованы в уравнительном тягловом обложении каждого двора на основе его хозяйственных возможностей, но добивались этого по-своему. В Никольской общине, объединявшей два села и 44 деревни, общемирское размежевание в 1771 г. по существу ограничилось учетом угодий каждого селения и частным земельным поравнением и соглашением между ними, которые тем не менее не привели к общему земельному уравнению. Земельная практика в сложной Никольской общине сводилась к тому, что каждое селение располагало своими угодьями, а мирское управление, проводя ежегодную переоброчку дворов, снимая или повышая их оклад, недостающую тем или иным дворам тягловую землю отводило в зависимости от обстоятельств на участках, «скинутых» другими крестьянами, или на общемирских пустошах.

Систематические данные, относящиеся к 1780—1790-м гг., показывают, что одни и те же деревни, обладавшие избытком земли, передавали ее во временное пользование крестьянам других деревень; причем случалось, что некоторые деревни передавали земли больше, нежели использовали сами. При этом правовой принцип подеревенского владения не нарушался, так как земля в случае необходимости возвращалась владельцам.

Таким образом, временная сдача участков отдельными дворами и их передача в хозяйственное пользование соседним дворам была основной формой земельно-тяглового перераспределения в Никольской общине; одна часть «скинутой» земли передавалась соседям по их просьбе, другая — «накладывалась» на них по усмотрению общины [19]. При подобной системе тяглового землепользования мирское управление могло не допускать запустения участков, нарушавшего агрикультуру трехполья.

Гибкость такой практики становится очевидной, если сравнить ее с земельными распорядками, введенными в другом ярославском имении Орловых, с центром в с. Елохове, где в 1800 г. удалось провести земельное уравнение между селениями. При неизбежном падении или росте тяглоспособности отдельных дворов. а тем самым и деревень, общинное управление вынуждено было в дальнейшем вновь уравнивать угодья между деревнями; в результате систематического изменения «владений» отдельных селений нарушалась устойчивость права подеревенского вла-

---

[17] ЦГАДА, ф. 1369 (Натальинское вотчинное правление Чичериных), оп 1, д. 35, лл. 1—10; д. 63, лл. 1—11; д. 70, лл. 1—11; д. 82, лл. 1—8, 11—24; д. 140, лл. 9, 10, 44 — об.; д. 172, лл. 1—3, 15—21; д. 190, лл. 6—15; д. 211, лл. 1—4; д. 199, лл. 1, 2; д. 273, лл. 14—21.

[18] Там же, ф. 1273 (Орловы — Давыдовы), оп. 1, д. 508, лл. 9, 10, 66, 67; д. 509, лл. 3— об., 20; д. 510, лл. 7—9 об.; д. 511, лл. 56 — об., 85 д. 516, лл. 52 об.— 53, 85 — об.; ф. 1454 (Сидоровское вотчинное управление), оп. 2, д. 1038, л. 2.

[19] ЦГАДА, ф. 1384 (Орловы — Чесменские), оп. 1, д. 2, лл. 1 об., 4, 5, 7 об., 8; д. 4, лл. 1—8; д. 29, лл. 1—12; д. 35, лл. 1—11; д. 83, лл. 1, 2; д. 118, лл. 1—12; д. 200, лл. 1—12, 18, 19; д. 550, лл. 1—24; д. 654, лл. 1—29; д. 725, лл. 1—32.

феодальной ренты, довлевшей над деревней, перед общиной стояла задача обеспечить общий объем возлагаемых на нее повинностей. Эту задачу община решала исходя из хозяйственных возможностей каждого двора и опираясь на традиционные нормы обычного права, прежде всего на право регулирования земельных отношений между ее членами и распоряжения некоторыми видами угодий (леса, водные источники, пастбища). Эти обычно-правовые нормы приспосабливались к крепостнической действительности и постепенно трансформировались.

В условиях барщинного хозяйства, когда земельные возможности общины сводились к минимуму, правовая норма, допускавшая общинное регулирование угодий, порождала практику систематических уравнительных переделов их между дворами. Тем самым земельно-распорядительные функции общины усиливались. Разнообразнее проявлялся процесс эволюции общинного земельно-обычного права в оброчных имениях, где крестьяне могли более самостоятельно вести полеводство, и, что существеннее, имели возможность хозяйственно распоряжаться всей землей в границах имения. В таких помещичьих владениях особенно четко прослеживались традиции по поддержанию общинно-подворного землепользования, а его регулирование осуществлялось в одних случаях путем частного условно-временного перераспределения тягловых земель между отдельными дворовладельцами, в других — путем перераспределения на тех же условиях земель между селениями, когда в одних из них образовывалась «пашенная пустота», а в других наблюдалось малоземелье. Систематически проводившееся частное перераспределение на основе права временного пользования давало возможность общинам избегать сложного в техническом отношении и чреватого столкновениями и протестами общего земельного перераспределения и сохранять традиционные правовые нормы, определявшие «владения» отдельного селения и каждого крестьянского двора. Такое частное перераспределение отражало определенный тип общинного землепользования, при котором деревня владела «своим» полем, а каждый двор «своим» участком. Этот тип землепользования безусловно был распространен в XVII и вплоть до первой половины XIX в. Земельный контроль, будучи основой земельных прав общинной организации, был характернейшей чертой той, по словам В. И. Ленина, «чисто средневековой старины», при которой отсутствовала полная свобода мобилизации крестьянской земли [27].

* * *

Право общинного регулирования тягловых земель между селениями и право деревенского держания «своего» поля дуалистически сосуществовали с комплексом правовых представлений о подворном, индивидуальном «владении», отражавшем частнособственнические тенденции в деревне. В дореволюционной и советской исторической литературе неоднократно отмечались факты, свидетельствовавшие о праве крепостных крестьян распоряжаться землями внутри общины, а именно потомственная передача представителям младшего поколения, обмен участков, раздел земель при распаде неразделенных семей, передача угодий в качестве приданого, купля-продажа дворов и наделов, сдача в аренду [28]. Обращалось также внимание на разницу в обычно-правовом статуте разных земель; так, тягловая надельная земля крестьянским правосозна-

---

[27] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 322.

[28] *Доброклонский А. П.* Солотчинский монастырь, его слуги и крестьяне в XVII веке. М., 1883, с. 58; *Образцов Г. Н.* Оброчные и порядные записи Антониево-Сийского монастыря.— Исторический архив. М.: Изд-во АН СССР, 1953, т. VIII, с. 82, 84, 85, 90; *Шапиро А. Л.* Указ. раб., с. 49; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М.: Соцэкгиз, 1960, с. 265; *Сахаров А. Н.* Русская деревня XVII в. М.: Наука, 1966, с. 146, 147; *Бакланова Е. Н.* Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII — начало XVIII в. М.: Наука, 1976, с. 160—180; *Прокофьева Л. С.* Крестьянская община в России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. (на материалах вотчин Шереметевых). Л.: Наука, 1981, с. 96—102.

нием признавалась общинным, а пашня, расчищенная от леса (росчисти)—индивидуальным владением [29]. Правда, в дальнейшем эти росчисти могли быть включены в общинное владение. В целом же обращение земли в крепостной деревне рассматривалось в связи с социально-экономическими процессами, и значительно меньше обращалось внимание на правовую обусловленность этого обращения в условиях крепостной действительности и общинного землепользования. Поэтому прослеживая эволюцию земельного обычного права необходимо учитывать огромное значение поземельного права крестьянского двора, так как правовая основа использования им земли стояла в прямой связи с его производственной деятельностью как первичной единицы сельской общины.

Было бы неверно представлять, что земельные отношения в крепостной общине основывались на чисто «механических» связях между крестьянским двором и общиной, при которых она предоставляла каждому крестьянину необходимые ему угодья и тем самым вопрос исчерпывался. Дело обстояло значительно сложнее.

Само собой разумеется, что в условиях полицейско-вотчинного режима, нередко устанавливавшегося в барщинных имениях, бытование обычного права зависело от барской администрации и могло сводиться на нет. Однако, как справедливо отмечал А. Л. Шапиро, «феодальная земельная собственность была невозможна без крестьянского земельного владения. И как бы широки ни были права собственности феодала, он должен был считаться с владельческими правами крестьянина. Даже если этот крестьянин был крепостным, его владельческие права невозможно было безгранично ущемлять, не ущемляя тем самым свои собственные барские интересы. Владение наделом не было простой формальностью или фикцией. Оно имело большое хозяйственное значение» [30].

В оброчных имениях обычно-правовые установления удерживались более стойко, а потому там легче проследить их бытование и изменения, происходившие как под давлением общины, когда она приспосабливала свое земельное хозяйство, чтобы вынести гнет тягловых обязательств, так и в процессе втягивания деревни в товарно-денежные отношения.

Важнейшей нормой обычного права было неоспоримое право крепостного крестьянина на пользование тягловой землей. К. Маркс и В. И. Ленин отмечали, что в феодальном обществе крестьянин осуществлял производство на фактически принадлежавшем ему поле [31]. По правовым представлениям крепостной деревни наследственно-подворное держание, жестко ограничиваемое обязательным несением тягла, считалось безусловным, пока тягло выполнялось. Очень образно это право безусловного владения было сформулировано в одном мирском приговоре чухломской Аксеновской вотчины в 1816 г. Рассматривая претензию одного крестьянина на землю соседа, мир отказал ему на том основании, «что оный Антипа самовольно земли не скидывает, а сильной рукою отнимать запрещается» [32]. Тот же правовой момент неоднократно прослеживается в мирской документации Никольской общины. Так, в 1805 г. мирское управление по просьбе двух крестьян вернуло им части их надельных земель, которые ранее в связи с ослаблением их тяглоспособности были отданы соседям. В тяглой ведомости указывалось, что отрезанные участки «состояли» в их «владении» и ныне «обращены» в их же «владение». На том же праве, там же в 1815 г. другой крестьянин в аналогичной ситуации «беспрепятственно» возвратил «собственную свою землю в прежнее свое владение» [33]. Право безусловного подворного потомственного тяглового владения отражалось в общинной документации в весьма показательных формулировках — наделы считались «вечным владением»

---

[29] *Бакланова Е. Н.* Указ. раб., с. 172.

[30] *Шапиро А. Л.* О природе феодальной собственности на землю.— Вопросы истории, 1969, № 12, с. 59.

[31] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. II, с. 358; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 184.

[32] ЦГАДА, ф. 1268, оп. 3, д. 6, л. 6 об.

[33] Там же, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 107 об; д. 550, лл. 8 об.— 9.

(иначе — «домашним», «собственным»). Это право распространялось на двор в целом, т. е. имело общесемейный характер. Случалось, что общинные власти продавали своим крестьянам тягловую землю. Такие «продажи» могут вызвать недоумение, если их понимать буквально. Так, в 1788 г. мирским приговором Никольской общины выморочный комплекс тягловой земли был продан братьям Ушаковым «вечно во владение». Однако дело заключалось в том, что Ушаковы были откуда-то переведены в Никольское владельцем В. Г. Орловым, а суть общинного решения сводилась к продаже не собственно земли, которая была общинной, а права на ее «вечное» использование, коль скоро Ушаковы стали членами этой общины[34]. Семейное право на комплекс угодий четко проявлялось при распадении неразделенной семьи или выделении одного из ее членов. Нередко общность земельного владения сохранялась даже после раздела таких семей. Подобные факты известны из документации Никольской общины начала XIX в. В чухломской общине с центром в с. Погорелки, судя по росписи раскладки рекрутской повинности на 1787 г., 48 близкородственных, но отдельно живших семей, чаще всего братья, редко отцы с сыновьями или дядья с племянниками, несли общее тягло. По этим данным в 19 случаях при распаде неразделенных семей сохранялась общность их наделов[35]. Из общесемейного права на комплекс общинных угодий вытекало право распоряжения, выражавшееся в передаче их младшим членам семьи мужского пола. Наследование тягловой земли было обязательным условием самостоятельного хозяйственного функционирования малой семьи. Такое наследование приводило к тому, что из поколения в поколение отдельный двор использовал одни и те же полевые земли деревенской общины, считая их «своими», находящимися в «вечном владении», что серьезно препятствовало тем передельным тенденциям, которые возникали в общинах. Анализ окладных книг Никольской общины, хорошо сохранившихся за 1780—1820-е гг., неоспоримо свидетельствует о потомственном переходе тягловой земли в каждой деревне от отца к сыновьям[36].

Сущность подворного земельного наследственного права заключалась в том, что в семье — неразделенной или малой — на каждого ее члена мужского пола в равных долях распространялось потомственное наследование. В неразделенных семьях сыновья наследовали поровну долю их отца, которая в свою очередь полагалась ему наравне с его братьями. Общинное требование тяглоспособности выделявшихся членов неразделенных семей, порожденное феодальными повинностями, укрепляло традицию раздела между ними тягловой земли; вместе с тем эта традиционная норма вовсе не способствовала укреплению внутри общины тягловой подушной уравнительности дворов, так как раздел земли осуществлялся по мужским душам и не зависел от общей численности разделявшихся семей. Сохранившиеся в значительном количестве акты последней четверти XVIII — первой четверти XIX в. по разделу имущества в крестьянских семьях Никольской, Писцовской и других общин свидетельствуют о жестком соблюдении рассмотренных правил.

Личное право каждого мужчины в крестьянской семье на тягловую землю имело серьезное ограничение. Прежде всего оно действовало только в пределах деревенской общины. Если при семейных разделах кто-либо переселялся из родной деревни даже в соседнюю, входившую, разумеется, в состав той же сложной общины, то в силу общинного деревенского права уходивший не мог претендовать на свою долю земли (или на компенсацию), а должен был получить ее от той деревенской общины, членом которой он становился[37]. Личное право крестьянина на тягловую землю в своей деревне было связано с обычно-правовым пред-

---

[34] Там же, д. 544, лл. 20, 21; д. 651, л. 6 — об.; д. 1135, лл. 1—3.
[35] Там же, ф. 1369, оп. 1, д. 49, лл. 1—14.
[36] Там же, ф. 1384, оп. 1, дд. 29, 35, 55, 118, 200, 285, 423, 435, 509, 914, 967, 1168.
[37] Там же, д. 252, л. 1; д. 317, л. 1; д. 544, лл. 16 — об., 32 об.— 33; ф. 1369, оп. 1, д. 255, л. 5; ф. 1454, оп. 2, д. 496, л. 2.

ставлением о том, что члены некогда существовавшей неразделенной семьи имели преимущественные основания на передачу именно им тягловой земли, если по каким-либо причинам их отдельно живущий родственник отказывался от участка или его части[38]. При семейных разделах случалось, что даже оговаривалось взаимное право близких родственников на тягловую землю[39]. Правда, передача родственникам земли, от которой «навечно» отказывался крестьянин-тяглец, происходила в конкурентной борьбе с соседями, и ее успех зависел от мнения мирских властей. При этом, если борьба заканчивалась в пользу соседей, то в мирских приговорах указывалось, что земля передается новым владельцам «навечно», и эта формулировка впредь исключала претензии родственников. Таким образом, в сельской общине отражалась борьба между родственным принципом, который основывался на подворном владении землей, и соседско-общинным, вытекавшим из права общины распоряжаться землей крестьянина, если он не мог тянуть с нее тягло.

При указанных ограничениях главы крестьянских семей с согласия, разумеется, общинных властей имели право временного распоряжения тягловой землей, т. е. сдать часть ее соседям ради уменьшения тяглового оклада или передать им же в аренду. Несколько иначе крестьяне-общинники подходили к праву нетяглоспособных семей распорядиться надельной землей. Владеть ею такие семьи не могли, но ради поддержания их дальнейшего существования им предоставлялась возможность передать соседям тягловые угодья с материальной компенсацией.

Своеобразен был статус общинных земель, персонально приведенных тем или иным крестьянином в культурное состояние. Такие росчисти входили в тягловый земельный оклад двора, но крестьянин обладал правом безусловного распоряжения ими внутри общины, если она располагала земельными резервами[40]. Основанием к тому служил вложенный труд по освоению земли. Там, где ощущался недостаток пашенных земель, подворное право владения росчистями ограничивалось определенным сроком, и затем они включались в категорию общих надельных земель[41].

Своеобразием отличалось также право владения земельными участками, составлявшими собственно дворовый комплекс (двор с хозяйственными строениями, огород, коноплянник, гумна). Отвод земли под усадьбу внешне приближался к передаче в «частное» владение. По данным 1740-х гг. в суздальской Лежневской общине и в поволжских общинах, принадлежавших во второй половине XVIII в. Орловым, по решениям мирских правлений крестьянам на отводимые «дворовые места» выдавались специальные документы, удостоверявшие их право «вечного», «наследственного» владения («владенные памяти»)[42]. Однако «вечность» этого вида владения имела весьма существенные ограничения. Площадь подворных участков должна была соответствовать «тяге», т. е. пашенной земле, с которой неслось тягло, что прослеживалось во многих общинах[43]. Соответствие полевой, пашенной земли дворовому комплексу предусматривало сдачу («навечно» или временно) определенной его ча-

---

[38] Там же, ф. 1384, оп. 1, д. 35, лл. 1—9; д. 83, лл. 1, 2; д. 200, лл. 1—12, 18, 19; д. 654, лл. 25—29; д. 725, л. 22 — об.

[39] Там же, ф. 1384, оп. 1, д. 28, л. 19; д. 82, лл. 17 об.— 18; д. 907, лл. 4, 5.

[40] Из переписки помещика с крестьянами во второй половине XVIII столетия.— Тр. Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. VI. Владимир, 1904, № 25; ЦГАДА, ф. 1396, оп. 1, д. 656, л. 10 — об.; д. 1620, лл. 1—4.

[41] *Вдовина Л. Н.* Поземельные отношения и крестьянская община в монастырских вотчинах первой половины XVIII века: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М.: МГУ, 1974, с. 13; *Коган Э. С.* Очерки истории крепостного хозяйства по материалам вотчин Куракиных второй половины XVIII в. М., 1960, с. 32—35, 44, 45.

[42] ЦГАДА, ф. 1373, оп. 1, д. 57, лл. 2—3 об.; ф. 1384, оп. 1, д. 368, лл. 42—45; ф. 1454, оп. 2, д. 947, лл. 1—7.

[43] ЦГАДА, ф. 1374, оп. 1, д. 22, лл. 26—27; д. 28, лл. 15, 17; ф. 1262, оп. 1, д. 54, л. 1 — об; ф. 1396, оп. 1, д. 739, л. 11; ф. 1384, оп. 1, д. 547, л. 1 — об; д. 1028, лл. 1, 4, 5; д. 1134, лл. 2—8; д. 1193, лл. 2, 3; ф. 1454, оп. 1, д. 1001, л. 12; д. 1225, лл. 1—6; *Шапиро А. Л.* Крестьянская община..., с. 51.

сти в том случае, если объем тягла у крестьянина при очередной переоброчке уменьшался, что представляло серьезное ограничение права «вечного наследственного владения». Только при условии полной нетяглоспособности крестьянина и сдачи (ввиду отсутствия других тяглецов в семье) пашенной земли соседям, дворовый комплекс мог остаться за ним пожизненно или мог быть свободно продан другим общинникам.

* * *

По словам В. И. Ленина, «господство крепостников-помещиков наложило свою печать в течение веков на все землевладение страны, и на крестьянские надельные земли, и на землевладение переселенцев на сравнительно свободных окраинах...»[44]. Разница состояла лишь в том, что в черносошной (с XVIII в. государственной) деревне эта печать накладывалась непосредственно государством, и в условиях системы государственного феодализма крестьянство, особенно сибирское, сохраняло право подворного владения, а в крепостной деревне — помещиками, и община вынуждена была все более приспосабливать с XVII в. свое землепользование к требованиям помещичьего хозяйства и форм ренты. В отечественной литературе с середины XIX в. дискутировался вопрос о возникновении земельных переделов в русской деревне, и многие ученые признавали их позднее появление. Рассмотренные материалы поместно-вотчинных архивов XVIII — начала XIX в. свидетельствуют о том, что даже на позднефеодальном этапе истории крепостного крестьянства сельская община по мере регулирования своего землепользования только подходила к уравнительным переделам. Быстрее этот процесс проходил в барщинных помещичьих хозяйствах, медленнее в оброчных. Но и в том и в другом случаях в принципах земельного регулирования и в правовых нормах, их отражавших, так или иначе проявлялась общая закономерность, а именно — усиление роли деревенских общин и подчинение земельных прав отдельных крестьянских дворов общемирскому началу. При сохранявшейся общности земельного владения общины земельные права дворов приобретали сугубо условную форму. Все виды угодий в общине, в том числе росчисти и купленные участки, все более отчетливо становились объектом не наследственно-подворного, а лишь временного, условного тяглового владения двора и по вырабатывавшимся обычноправовым представлениям использовались только при несении тягла и должны были ему соответствовать. В этом эволюционном процессе понятие «собственная» земля, которым оперировали в повседневном быту крестьяне, теряло свое реальное внутридеревенское содержание, а тем самым сдерживалось и развитие понятия «земельная собственность». В условиях тяглового обложения община в целом не только препятствовала развитию подворного землепользования, но и распространяла сплошь и рядом свою власть на купленные крестьянами земли, добиваясь даже их слияния с общинной землей, что затрудняло процесс капиталистического развития крепостной деревни даже в период кризиса крепостничества.

---

[44] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 405.

Н. М. Гиренко

ВОСТОЧНОАФРИКАНСКИЕ КУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССЕ ФОРМАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ (XIX—XX вв.)

Проблема роли и места культуры в процессе формационных изменений для Африки весьма актуальна. Ее разработка нередко приводила к практическим выводам. Прагматический подход к культурологическим исследованиям в африканистике достаточно ясно обозначился еще в колониальное время. Присутствует он и в современных исследованиях, ко-